

**ПЕТР
ВЯЗЕМСКИЙ**

ИВАН
ИВАНОВИЧ
ДМИТРИЕВ

Петр Вяземский
Иван Иванович Дмитриев

«Public Domain»

1866

Вяземский П. А.

Иван Иванович Дмитриев / П. А. Вяземский — «Public Domain»,
1866

«В одном письме Карамзин говорит Дмитриеву: «ты мастер жить»: и мог это ему сказать с некоторою завистью. Карамзин вообще не имел этого мастерства. Он не старался сглаживать свой путь и осыпать его мягким песком и цветами. Он всегда был озабочен чем-нибудь и кем-нибудь: и никогда не отгонял от себя эти заботы. Можно сказать, что он до самой кончины своей кое как перебивался, чтобы с году на год сводить денежные концы с концами. А в Петербурге расходы его пополнялись капиталом. Для чадолюбивого отца, каким был Карамзин, это была постоянная сердечная болячка...»

Петр Вяземский Иван Иванович Дмитриев

В одном письме Карамзин говорит Дмитриеву: «ты мастер жить»: и мог это ему сказать с некоторою завистью. Карамзин вообще не имел этого мастерства. Он не старался сглаживать свой путь и осыпать его мягким песком и цветами. Он всегда был озабочен чем-нибудь и кем-нибудь: и никогда не отгонял от себя эти заботы. Можно сказать, что он до самой кончины своей кое как перебивался, чтобы с году на год сводить денежные концы с концами. А в Петербурге расходы его пополнялись капиталом. Для чадолюбивого отца, каким был Карамзин, это была постоянная сердечная болячка. Благосостояние, вследствие истинно царской и просвещенной щедроты Императора Николая, пришло к нему только пред самую кончиною. Оно тем более было ему утешительно, что не он им воспользуется, но что оно вполне обеспечивало участь семейства его. Он всегда страшился долгов как за себя, так и за друзей. Дмитриев, по крайней мере в молодости своей, был в этом отношении бесстрашнее. Карамзин пришел к нему однажды и с ужасом застал в передней комнате несколько кредиторов. «Как с ними развяжешься ты и как отпустишь?» спросил он его. «А вот как, – ты сей час увидишь!» и вышел к ним с Карамзиным. Он так шутливо, так забавно объяснял каждому из них, почему на этот раз не может расплатиться с ним, что кредитор за кредитором уходил от него с хохотом и почти довольный как будто с деньгами. Особенно позднее он в самом деле устроил жизнь свою независимо и согласно со вкусами и склонностями своими. Как мы уже заметили, в нем была какая-то чопорность, но более внешняя и обстановочная. По-видимому он строго держался некоторых условий светского уложения и чиновничества. Но это касалось исключительно одной официальной жизни и проявлялось в случаях представительства. Тогда стоял он прямо и чинно на часах. Но отслужив эти часы или минуты, он радушно возвращался в своей любимой независимости. Самое положение его, как холостяка, обеспечивало за ним эту независимость. Семейство, семейные заботы, столь близкие сердцу друга его, были чужды ему. Он был себе хозяином и барином. Но в нем не было ни сухости, ни черствости, которые многие ему приписывали. Они не знали его, но судили о нем по внешней холодности и по некоторой гордости в приемах. Эта гордость была не суетность, а чувство достоинства. Она сказывалась особенно с вышшими или с равными, но которые, по счастливым обстоятельствам жизни, почитали себя выше его. Он был добр, сострадателен и чувствителен, но все же опять не так как Карамзин. Узнает ли сей последний, что в какой-нибудь полосе России неурожай, он, словно помещик того края, озабочен был этим горем и говорил о нем с искренним и живым соболезнованием: «Помилуй, братец, возражал ему Дмитриев прерывая сетования его, – о чем ты тоскуешь, все же калачи будут еще продаваться на Тверской» – и меланхолик Карамзин от души смеялся утешению друга своего. Дмитриев по-своему был и мастер жить, и любил жизнь. «Каждый раз, что утром просыпаюсь, говорил он мне однажды, первая мысль моя и первое движение сердца благодарить Бога за то, что Он даровал мне еще день». Он не был особенно набожен: эта благодарная молитва не была у него делом обряда и заведенной привычки. Тем более она трогательна, тем более свидетельствует она о его внутренней безмятежности и ясности. Вот еще черта, доказывающая, что он способен был живо и глубоко чувствовать. Он однажды говел великим постом; в самое то время, когда кончал составление своих записок. Я пришел поздравить его с приобщением святых тайн. «А знаете ли вы – сказал он мне – что я сделал сегодня? я уничтожил в записках своих все то, что было сказано слишком резкого и предосудительного о князе Салтыкове. Мне казалось неприличным, исполнив христианские обязанности, оставить на совести и на бумаге следы досады моей на того, которого считал я виновным предо мною». Во время отсутствия Императора Александра, в продолжение Европейской войны, князь Салтыков облечен был почти полномочною властью по административному управлению России.

Действия Дмитриева, тогда министра юстиции, встречали в нем постоянное недоброжелательство и противодействие. На эти неприятности находятся еще и ныне указания в записках его: но они в изложении своем смягчены и частью утаены. На деле эти неприятности были так чувствительны ему, что он, вследствие их, вышел в отставку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.